

Едва вернувшись в особняк герцога, Екатерина попросила Мину об услуге.

— Мина. Я бы хотела заказать кое-что из стекла, но не знаю, как это сделать, и я не хочу, чтобы брат что-либо узнал.

— Не хотите говорить Его Светлости?

— Да, собираюсь приготовить подарок для него, устроить ему сюрприз.

Когда она спросила Ивана, скоро ли у брата день рождения, он ответил, что до него еще полтора месяца. Если то, что она придумала в ресторане, удастся воплотить в этом мире, это будет превосходный подарок для старшего брата.

— Из стекла? Если вам нужно какое-то изделие, его можно заказать в мастерской. Просто скажите, что вам нужно, я пойду туда и закажу его для вас.

— Это немного... Думаю, это будет трудно. Эту вещь никогда не видела ни Мина, ни мастера.

Екатерина нарисовала что-то на бумажке, и тут обычно безэмоциональная Мина округлила глаза.

— Что это? — на лице Мины, готовившей для Екатерины чай, появилось озадаченное выражение. — Вы правы, возможно, я не смогу должным образом объяснить, чего вы хотите, госпожа. Тогда вы можете пригласить мастера сюда, но тогда об этом узнает Его Светлость. Наверное, лучший вариант — пойти в мастерскую, чтобы заказать все самой, но это не то место, куда вам стоит ходить одной.

— Я хотела бы сама все объяснить, если это возможно. Интересно, доставит ли это проблем, если я отправлюсь в мастерскую...

— Не думаю, что доставит. Просто это не подобает дворянке из столь знатной семьи, как семья герцога Юринова.

— Тогда я хотела бы пойти. Если ты, Мина, пойдешь со мной, то опасности никакой не будет, верно?

— ...Понимаю. Как прикажете, госпожа, — кивнула Мина с ее обычно равнодушным видом.

Ночью же, помогая Екатерине переодеваться в ночную рубашку, она доложила о результатах своей подготовки:

— Я слышала, что мастерская Мурано, прославившегося как искусный ремесленник, закрылась после его смерти, так что завтра я отведу вас в мастерскую, которая на данный момент считается лучшей.

— Ух ты, это хорошо. Я рада, что ты так быстро все разузнала.

Как же талантлива моя прекрасная горничная!

И на следующий день Екатерина с Миной отправились в путь на карете.

Грэм, дворецкий, улыбаясь, помог мне, когда я рассказала ему, что хочу сделать, так что мне

удалось выскользнуть из поместья без ведома Алексея. Если так подумать, я всегда путешествовала на карете с братом, поэтому, хотя рядом со мной находилась Мина, я чувствовала себя немного одинокой.

И нет, когда тридцатилетняя женщина говорит про себя, что ей одиноко, это не стыдно! Я спокойно ела рамен и якинику* одна. Вот.

Екатерина мысленно заставила себя взбодриться.

Мы приехали не в тот район, в котором гуляли вчера с братом. Он был более простым и оживленным, кроме того, здесь было множество признаков жизни, иногда довольно неприглядных. По улицам, на которых разъезжало больше телег, чем дворянских экипажей, бегали дети. Многие здания здесь, похоже, занимали мастерские: было слышно, как куют металл. Все это напоминало токийский район Ота, где располагались маленькие и средние производства. Вот только здесь в закоулках висело белье, что больше походило на Гонконг или Неаполь в Италии.

Карета остановилась перед зданием, которое выделялось среди других своими размерами и выглядело новым. Изогнутая надпись на вывеске гласила: «Мастерская Гарена».

— Мастерская ремесленника Гарена. Мы на месте, — сказала Мина, открыв дверцу и легко выйдя из кареты.

Взяв протянутую ей руку, Екатерина тоже выбралась на улицу.

— Госпожа, пожалуйста, будьте осторожны.

Она улыбнулась в ответ на слова кучера и вошла в мастерскую.

Первым делом она ощутила жар. В самом конце комнаты стояла печь, из которой вырывалось оранжевое пламя. Возможно, ее использовали для плавления стекла. И, похоже, было тут и несколько других печей, которые предназначались для другого. Возле них трудились голые по пояс ремесленники. Один из них, молодой и симпатичный парень, заметил их и быстро к ним подошел.

— Приветствую, чем могу помочь?

— Позовите мастера Гарена, к нему приехала мадемуазель из герцогского дома Юриновых.

— Мадемуазель из... Простите, подождите минутку, — ошарашенный словами Миной паренек взглянул на Екатерину и бросился вглубь здания.

Вскоре пришел мужчина, судя по всему, сам Гарен. То был старик, возможно, лет пятидесяти, с невероятно мощными руками и большим пузом.

— Приветствую, барышня, это большая честь, что вы посетили эту убогую лачужку и меня, старика, хе-хе-хе.

Этот смех... звучал довольно странно и неприятно. Интересно, что это он... вернее, куда это он смотрит?

Мина, глядевшая на хихикающего старика без всякого выражения, молча предложила Екатерине веер. Так же молча приняв его, девушка распахнула веер, прикрыв им рот и грудь.

В углу мастерской стоял диван, похоже, предназначенный для посетителей. На него-то Екатерина с Миной и сели, лицом к Гарену.

— Кажется, вы хотите сделать заказ на особенное изделие. Вы пришли по адресу. Чего же изволите? Могу изготовить огромную вазу, декоративную тарелку, все, что захотите.

— Я хочу не больших вещей. Это любительский рисунок, прошу прощения, но вы все увидите здесь.

Когда я положила перед ним рисунок, который показывала вчера ночью Мине, он посмотрел на меня с сомнением.

— Хм. Что это?

— Стеклоперо.

— Чего? Перо?

— Да. Стеклоперо.

Все так. Стеклоперо, восхитительный инструмент для письма, который пользовался огромным спросом у некоторых любителей таких вещей в моей прошлой жизни. Его изобрел японский мастер духовых инструментов, живший в эпоху Мэйдзи**, и, похоже, оно стало очень популярной уже тогда, но с появлением шариковых ручек и тому подобному его больше широко не использовали. Хотя до сих пор есть люди, которые предпочитают стеклоперо, будь то из эстетических соображений или из-за восхищения качеством письма.

В Империи обычно пишут гусиным пером. Оно тоже выглядит неплохо, вот только оно слишком тонкое, чтобы держать его в руке, к тому же, захватывает мало чернил, и приходится все время макать его в чернильницу, чтобы написать хоть строчку, а кончик так легко ломается, что его часто приходится точить ножом. Это не очень удобно. Это настоящий гемор для такого японца XXI века, как я. Если получится воссоздать эту ручку здесь, уверена, Алексей будет доволен, ведь она гораздо практичнее гусиного пера.

Однако... Гарен усмехнулся.

— Не знаю, как вам пришла в голову эта идея, но ни разу еще не слышал о стеклопере. Разве вы не знаете, что стекло не впитывает чернила? Не понимаю, с чего вы решили, что сможете писать стеклом, хе-хе-хе.

— На кончике вырезается канавка. Чернила остаются на ней. Работать будет так же, как если бы перо впитывало чернила.

Это называется капиллярностью***. Этот термин из моей прошлой жизни. И гусиные перья тоже, кстати, не впитывают чернила.

Поддав раздражение, Екатерина немного помахала веером. И тут она внезапно заметила чей-то взгляд из-за спины мастера. Тот самый симпатичный паренек, который их до этого приветствовал, уставился на рисунок стеклопера, который был в руках мастера.

Гарен это заметил, развернулся и заорал:

— Эй, Лев, какого черта ты делаешь?!

— Простите!

Юноша по имени Лев в одно мгновение оказался у печи.

— Простите, барышня. Боюсь, что дисциплинировать молодых людей у меня выходит не очень.
— Снова усмехнувшись, Гарен вернул Екатерине рисунок стеклянной ручки. — Что ж, если вам нужна стеклянная посуда, я готов вам предоставить самую лучшую. Я сейчас покажу вам... Эй, тащите ее сюда.

Он не собирался делать то, что она хотела заказать, а хотел, чтобы она заказала то, в чем он хорош.

Екатерина вздохнула, прикрываясь веером и глядя на подмастерьев, которые чуть ли не надрывались, стараясь принести ей огромную и тяжеленную вазу. Ее с трудом передвигали двое парней.

— Не нужно ее нести. Простите за потраченное время. Мина, возвращаемся.

— Слушаюсь, госпожа, — поднялась Мина.

— Нет-нет, подождите минутку, барышня. Вам понравится, просто взгляните. Уверен, вам понравится.

Немного взволнованный Гарен протянул свою лапищу и попытался поймать нежную руку Екатерины... И тут белая рука Мины схватила его, после чего горничная тихо произнесла:

— Не смей трогать мою госпожу своими грязными руками.

— Какого черта, су**... М-м-мпф!

Глаза Гарена, который пытался стряхнуть руку Мины, поползли на лоб. Тоненькая белая рука даже не дрогнула, лишь сжала его еще сильнее, словно тиски. Раздался звук сломанных костей.

— А-а-а! — закричал Гарен.

А Екатерина тем временем встала позади Мины, вне досягаемости Гарена.

— Мина.

— Слушаюсь, госпожа.

Гарен отлетел в сторону.

— Просим прощения за беспокойство. Всем счастливо оставаться.

Улыбнувшись бледному и дрожащему Гарену и застывшим подмастерьям, Екатерина покинула мастерскую с Миной на хвосте.

— Простите, госпожа. Я не могла позволить этому типу вас коснуться, — извинилась перед севшей в карету Екатериной Мина, которая все еще стояла снаружи.

— Это не твоя вина. Трудно предположить, что у хозяина хорошо зарекомендовавшей себя мастерской такой скверный характер.

Интересно, как ему удалось так преуспеть.

— Я слышала, что он и в подметки не годился мастеру Мурано, но теперь, после его смерти, он стал лучшим мастером в стране. Слава вскружила ему голову.

— Ах, вот оно что...

В общем, возгордился.

— Но он определенно хорош в этом. Думаю, лишь немногие ремесленники способны сотворить вазу таких размеров. Хотя, полагаю, именно по этой причине он не может создавать вещи тонкой и деликатной работы.

Возможно, что сказать ему это не позволила гордость лучшего ремесленника страны. Но чем хуже факты, тем яснее их надо предоставлять, дядя.

К тому же, он явно смотрел на нас свысока, потому что перед ним было две женщины. Даже в Японии XXI века некоторые пренебрежительно относились к партнерам-женщинам. Что уж говорить о мире, в котором шовинизм цветет махровым цветом.

— Давай сходим в мастерскую, которая специализируется на мелочах.

— Вы все еще хотите попытаться сделать это стеклянное перо?

— Конечно же, Мина. Я не сдамся так легко.

Нельзя сдаваться после попытки или двух. Это естественно для взрослого человека, живущего в обществе.

— Госпожа. Тогда не могли бы вы подождать здесь немного?

— Здесь?

— Да.

Лицо у Мины было невыразительное, как и всегда, но, похоже, у нее имелась какая-то идея.

— Ну если ты так говоришь...

Уголок переводчика

*Якинику. Любое мясо, приготовленное на гриле. Насколько я понимаю, это она к тому, что привыкла есть одна. Вообще у китайцев, корейцев и японцев культ еды. И считается, что человек действительно очень одинок, если он ест один. Поэтому они стараются собираться в компании, чтобы поесть. Но героиня уже как-то говорила, что из-за ее адовой работы просто не успевала есть с кем-то, потому привыкла есть одна.

**Эпоха Мэйдзи. С 1868 года по 1912 год. Тогда, конечно, вообще было много разных реформ и преобразований, так что изобретение стеклянного пера на этом фоне выглядело естественно и гармонично.

***Капиллярность. Если тут есть физики — простите чистой воды гуманитария. И в комментариях поправьте, если что. Так вот, насколько я поняла из интернета. Капиллярность — это когда жидкость поднимается или опускается по узким трубкам или пористым телам. Это

происходит из-за способности жидкости смачивать. Когда мы вытираем руки полотенцем, жидкость цепляется за волокна ткани, иными словами, остается на ней. Вот это, грубо говоря, и есть капиллярность.

<http://tl.rulate.ru/book/41781/1807600>